

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 12 сентября 1987 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 12 de septiembre de 1987 № 1937

ПИСЬМО РУССКИХ РАБОЧИХ РАДИО "СВОБОДА"

В порядке информации предлагаем вниманию читателей текст открытого письма в радиостанцию "Свобода" из Москвы, за подписью "Русские рабочие".

Дорогие братья, мы решили все-таки вам написать вот это письмо. Хотя, возможно, это и не так уж надо, но то, что в нас накипело, хотелось бы высказать.

Ваше радио "Свобода" говорит на русском языке, и поэтому мы все же думаем, что вы все же наши и радио "Свобода" — это наше, родное, хотя, что и говорить, вы часто так далеки от сути дела, что порой вас трудно понять, о ком и о чем вы говорите. Вот последнее время перестают глушить разные "голоса". Но, по всей видимости, вас не перестанут. Значит, вы — злее других и чаще бьете а точку. Что вы молодцы, вы знаете, наверно, и сами, но вот же непонятно, о чем вы все-таки говорите последнее время. Вас не так часто можно слушать, да и времени у нас не так много свободного. С этой перестройкой — все вверх ногами, а сути дела не видно.

Ну так вот, от всего сердца все-таки хочется сказать: что у вас там? Как ни включишь радио "Свобода", так проблемы выезда да опять "бедные" евреи, которым плохо в России. Конечно, понятно, это — проблема, не очень большая, но проблема. Но нам не кажется особенно необходимым забивать эфир "бедными отказниками". В конце концов они уедут. И что дальше... Мы — русские и хотим, чтобы вы всегда помнили, что главное для вас — теплится добрым словом наши замерзшие от большевицкого хаоса души. Вы — наша свеча, дарящая свет и надежду, что наша культура и история отстанется в правде и справедливости.

Пусть радио "Свобода" больше поднимает наши задачи. Задачи тех, кто остается здесь, тех, для кого Россия — родина, неотрезанная часть души. Мы хотим слушать правду об Истории, о культуре России. Где мы, простые люди, всю жизнь проводящие на работе, часто тяжелой и невыносимо гадкой, без смысла и отрады, еще услышим правду? Где?

Не будем писать, кто такие для нас евреи. Это долгий разговор. Да и лишнее о них в нашем письме. Придя домой после работы, хочется слышать о наших проблемах России. Пусть будут слова о нашем позоре и будущем Возрождении.

Мы надеемся, что вы дадите нам наше чисто русское и близкое.

На этом кончаем наше письмо.

С горячим приветом,

4-6-87 — Москва

Русские рабочие

"ПАМЯТНИК ЦАРЮ НИКОЛАЮ"

Попробуем разобраться, кто руководит обществом "Память". Председатель Совета объединения К. Андреев, — рабочий (и член партии, как всегда подчеркивают враги "Памяти"). Самая колоритная личность — Дмитрий Дмитриевич Васильев. Вся ярость врагов обращена на Васильева из-за того, что он при встречах с иностранными корреспондентами демонстративно кладет перед собой книгу "Протоколы Сионских Мудрецов", по Нилусу, переизданную в Аргентине в 1955 году. Это Васильев мотивирует, говоря, что мол существует сборник именованной книги, которые имел Ленин в своей библиотеке. Среди них и "Протоколы". Если Ленин мог читать эту книгу, то сегодняшние советские граждане должны тоже быть с ней знакомы.

Почему делает это Васильев? Ведь мы считаем, что для любого русского национально-патриотического движения эта спорная книга не может быть настольной. Может быть Васильев не знает, что "Протоколы" многие считают фальшивкой. Своим поступком он дает повод врагам хорошую и жертвенную организацию называть шовинистской, экстремистской, антисемитской, вплоть до фашистской. Солидарист Михаил Назаров в своей статье "Пolemика должна быть честной" дискутируя с Б. Гройсом утверждает следующее: "Дать должный отпор экстремистам прежде всего в интересах самого русского движения, иначе со временем "национал-большевики" могут превратиться в опасное явление сер-

ьезных размеров. Однако этот отпор должен быть точно адресован — иначе он может вызвать обратный эффект. Из лиц, названных Б. Гройсом в его статье, такого отпора заслуживает, по имеющимся данным, лишь некий фотограф Васильев с его "соратниками", который не только не лидер русского возрождения, но и считается в кругах этого движения провокаторм, дискредитирующим полезную деятельность многих других людей".

Мы полагаем, что КТБ, конечно, имеет своих людей в этой организации, как вообще во всех русских организациях за границей и в стране. Но мы не спешим навешивать Васильеву ужасный ярлык провокатора. Может быть, он человек, не понимающий, что в многонациональной стране нельзя быть ксенофобом, ибо это отразится на успехе деятельности самого общества.

Среди членов "Памяти" — Валерий Николаевич Емельянов, кандидат экономических наук, автор книги "Десионизация". Его книга — направлена и против православия. Но интересно о нем говорилось, что он зарубил жену топором и находится в сумасшедшем доме. Это сведение из левых кругов оказалось неточным, то есть голой дезинформацией. Хотя мы не поклонники его книги, но считаем, что нельзя такими методами бороться против врагов.

Общество "Память" попыталось выдвинуть своего кандидата Андреева на выборах в районный совет народных депутатов. Но это не удалось. Поэтому нет никакого основания

считать — а такое мнение среди врагов выдвигалось — что движение курируется и организуется самими властями.

Среди почтеннейших руководителей "Памяти" — член совета Виктор Александрович Виноградов, архитектор-реставратор, популяризатор древнерусской скульптуры и живописи. Олег Игоревич Журин — член совета, архитектор-реставратор. Он имеет репутацию профессионала высокого класса и энтузиаста своего дела. О нем нередко пишут газеты и журналы. Евгений Меркурьевич Пашикин — директор геологических наук, профессор, активный участник кампании против поворота северных рек. Фаддей Яковлевич Шипунов, заведующий лабораторией биосферных исследований Института литосферы Академии Наук. Автор нескольких статей по экологии, создатель талантливого документального фильма на экологическую тему "Земля в беде". Был одним из организаторов, наряду с академиком Д. С. Лихачевым, писателями С. Зальгиним, В. Распутиным и археологом В. Яшиным кампании против поворота северных рек. В. Шуйский — публицист, кандидат исторических наук.

Русские патриоты, искренне озабоченные уничтожением культурно-исторической и природной среды, подвергаются нападкам не только со стороны диссидентов, но и на страницах советской печати.

Елена Лосото в "Комсомольской Правде" от 22 мая 1987 года в гадкой статье "В беспамятстве" оправдывает разрушение русских православных

храмов в 20-е и 30-е годы, потому что тогда это не были храмы, а "звезда клерикальной реакции". Некий А. Черкизов в серии статей тоже обрушился на "Память". В "Советской культуре" была статья "Демократия — не распущенность" и в той же газете от 18 июня с. г. появился егоopus "О подлинных ценностях и мнимых врагах". В "Советской культуре" от 28 июля 1987 года ряд читателей высказались в своих письмах о "Памяти". Большинство читателей против деятельности общества "Память", но есть и его сторонники. Например, С. Шумаков из Курска пишет: "Мои соседи, мои друзья одобряют действия историко-патриотических объединений и считают, что им нужно предоставить широкую трибуну... Конечно, я и мои многочисленные сторонники хотели бы, чтобы власти не мешали деятельности "Памяти", "Отечества" и "Спасения". Чтобы в печати публиковались не только Черкизовы, но и мы".

Письмо русского патриота из Курска наглядно показывает чуждость русского народа. Но, увы, черкизовы весьма активны, как в стране, так и в Зарубежье. Один из врагов "Памяти", Л. Миронов из Москвы в своем письме проливает свет на истинную деятельность историко-патриотического общества "Память": "Дело дошло до того, что некоторые активисты этой организации собирали средства на создание памятника в Свердловске царю Николаю".

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

БИБЛИОГРАФИЯ

О. Черон. "Немецкий плен и советское освобождение"; И. Лугин. "Полглотка свободы"; П. Палий. "В немецком плену"; Н. Ващенко. "Из жизни военнопленного" (Париж, 1987, "Всероссийская Мемуарная Библиотека").

Собранные в двух томах воспоминания четырех бывших военнопленных содержат мало нового для русского Зарубежья. Тем не менее, их опубликование очень кстати, ибо опровергает домыслы советской пропаганды, сейчас услужливо повторяемые Г. Владимовым со приспешниками. Мы видим, что добровольцы РОА не вербовались в условиях голода или принуждения; к тому моменту, когда Власовское Движение развернулось, положение в лагерях значительно улучшилось, — отчасти благодаря именно этому Движению, — и в прямом смысле с голоду в них уже никто не умирал. Вот если бы с самого начала пленным предложили выбор между лагерями или участием в борьбе с большевизмом, они бы уж верно хлынули сплошным потоком; но этого, увы, как раз сделано не было.

Опыт, пережитый четырьмя нашими соотечественниками, весьма различен. Трое из них обрывают свой рассказ в самый волнующий момент, когда хотелось бы знать дальнейшее: Палий и Ващенко — на поступлении в РОА; Черон — на бегстве из советской зоны в американскую и попытке устроиться в лагерь для перемещенных лиц. Только Лугин кратко описывает свою жизнь после войны в Западной Германии и хлопоты об эмиграции в Австралию. Двое, Черон и Лугин, были столь неудачливы или неосторожны, что попали в поток репатриации и, посмотрев уже на то, что там творилось, сумели ускользнуть в свободный мир.

Несколько странно вели себя Палий и, в меньшей степени, Ващенко. Первый, подчеркивающий свои антисоветские убеждения, не пожелал записаться ни в гардисты (или, как он выражается, в охранники; части, набравшиеся немцами из военнопленных, в принципе, для охраны дорог, мостов, складов и всяческих стратегических пунктов), но даже в Русскую Национальную Армию генерала Смысловского, и решил пойти в РОА лишь в самый последний момент. Более того, когда его, в самом еще начале плена, допрашивал немец высокого ранга, искавший русских антибольшевиков, он уклонился от разговора (вероятно, ухудшив тем свою судьбу). Второй, взятый в плен эсэсовскими летчиками, обошедшимися с ним по рыцарски (приятно, что такое тоже случалось), отверг их предложение поступить к ним на службу, сказав, что согласен служить только в чисто русском формировании, если такие в германской армии есть. Между тем, поступил он к ним на работу сразу, он бы смог заслужить доверие и позднее быть полезным другим русским и, главное, антибольшевицкому делу, не теряя зря времени в лагере.

Простой солдат по имени Михаил, встреченный Лугиным, оказался последовательнее офицеров: сразу попросился на службу к немецкому

лейтенанту, попросив дать ему винтовку, — и тот зачислил его в свой взвод! Делались порою такие вещи, в обход законов и правил... "Войны я ждал давно, как и многие другие. Только война могла нас избавить от коммунистической тирании" — объясняет Михаил. Вот родной мне голос единомышленника! Так рассуждали и мы. Отступив в боях до Берлина, Михаил добрался потом до Франции, и дальше — в Аргентину.

Не всем так везло. Лугин же рассказывает о своем друге Виталии, который, понав в плен, незамедлительно обратился к хорошо говорившему по-русски пожилому немецкому майору с предложением: "Я хотел бы поступить в немецкую армию, бороться с большевиками". А тот ему ответил: "Немецкая армия не пугается в русских добровольцах. Мы сами справимся с большевиками!" Вот такие люди как этот майор и погубили Германию!

Если правдивые рассказы четырех авторов разоблачают ложь о власовцах, еще более они разрушают тщательно строимую шпие теми же вышеупомянутыми мистификаторами легенду, будто весь советский народ во время войны сплотился в верности Сталину. Вот о чем они свидетельствуют:

Черон говорит о пленных: "Вспомнили обиды советской власти, чистки, гибель родственников и знакомых во время чисток, во всю разносили и революцию, и большевиков, и советских "вождей". Особенно доставалось Сталину".

Лугин рассказывает: "Мы были готовы взять оружие в руки и идти против советской тирании". Дальше же он с горечью признает: "У русских пленных отсутствовало чувство спайки по национальному признаку. Оно было вытравлено всей шкурнической советской действительностью. О патриотизме в России вспомнили только, когда очутились под пропастью. Какая разница с дореволюционной Россией!" Подводя итог настроению пленных, можно сказать, что противниками советской власти была колхозная Россия, большая часть "рабочего класса" и все честные люди, у которых не угасла любовь к родине. Сторонниками, кроме советских функционеров, были люди, которых я бы назвал "калымщиками"...

Уже в советской зоне, среди репатриантов, дело обстояло так: Не многие лагерники были настроены просоветски. Основная масса, как и раньше, не верила "родной" власти. Но откровенные разговоры прекратились".

Палий так описывает свои настроения в момент, когда он был еще советским офицером и сражался с немцами: "Что толкает меня?.. Кого защищаю я и кого защищать заставляю других?.. Я всей душой ненавижу все то, что за моей спиной. Ненавижу эту проклятую кучку садистов-узурпаторов в Кремле, ненавижу их владыку параноика Сталина, ненавижу весь устой этой подсоветской жизни миллионов жалких запуганных рабов, не смеющих поднять голову". А в плену: "Никто не поднимал голос в защиту того, что называлось Советский Союз... Это было как прорвавшаяся плотина... Советские командиры с упоением во весь голос матом поносили того, при чем имени, еще неделю тому назад, вставали и аплодировали — Иосифа Сталина".

О более позднем периоде, он уточняет: "Неудачи немцев и некоторые успехи Красной Армии не создавали чувства "советского патрио-

тизма", основная масса пленных, включая и "молодых", была настроена остро антисоветски и антикоммунистически.

Что до Ващенко, он при первом же допросе, на вопрос, зачем он защищает Сталина: "сказал, что мы, русские, лучше знаем, что Сталин и его бандитская клика — наши враги".

Где же во всем этом пламенная любовь и непоколебимая преданность к неудобозабываемому товарищу Иосифу Виссарионовичу.

Они существовали только в воображении г-на Владимова и к'; а почему люди их выражали, — не так уж трудно сообразить...

Ю. Терапиано. "Литературная жизнь русского Парижа за полвека" (Нью Йорк, 1987).

Полвека, в данном случае, — период от 1924 по 1974 год, безусловно интересный с точки зрения культурной жизни эмиграции. И Терапиано, казалось бы, мог о нем с толком рассказать, поскольку являлся участником русской литературной деятельности во Франции, хотя и на второстепенной роли.

К сожалению, многие его очерки — серого газетного уровня, приуроченные когда-то к датам смерти или юбилея того или иного писателя, и часто не сообщающие про него ничего важного (даже биографические данные порою неполны, а то и вовсе отсутствуют). Оценки же их творчества со стороны самого Терапиано отличаются субъективностью и значительной ценностью не представляют.

Несколько более живо и глубоко, по сравнению с остальными, описывает он Мережковских и их окружение; отчасти и борьбу между старшим и младшим поколением парижских поэтов. Наоборот, защита пресловутой *парижской ноты*, которую он не пытается даже четко определить, выглядит под его пером довольно-таки необудительной.

Крайне неприятное впечатление оставляет то, что Терапиано всячески подчеркивает свое осуждение по отношению ко всем русским литераторам, кого так или иначе можно было упрекнуть или хотя бы заподозрить в коллаборации с немцами, — и, рядом, без малейшего укора говорит о тех, которые взяли советские паспорта и даже уехали в СССР.

Не украшают книгу многочисленные описки и опечатки, иногда нелепые, иногда и комичные. Например, поэтесса Софья Юльевна Прегель названа в одном месте *Софья Львовна*; настоящая фамилия поэта Ивана Савина дана как *Сиволаш*, вместо Саволайнен. В цитате из поэмы Присмановой о Вере Фигнер, *степенная поморка* превращается в *...стетную поморку*. К опечаткам отнесем и странную форму *сытая*, вместо "сыпя". Вовсе курьезно искажено заглавие книги, выпущенной Терапиано по-французски: "La Perse sekrete. Aux sources du mazdéisme", вместо "La Perse secrète. Aux source du mazdéisme".

Ю. Вознесенская. "Звезда Чернобыль" (Нью Йорк, 1987).

Роман на страшную тему составлен с большим талантом и с совер-

шенным литературным мастерством (столь редким в наши дни!); начав читать, с первых строк до последних, от текста буквально нельзя оторваться.

Превосходны два эпиграфа в начале повествования, сразу вводящие в суть дела. Позволим себе их воспроизвести: "Третий ангел во-струбил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде Полюнь, и третья часть вод сделалась полюнью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки" ("Апокалипсис", 8:10-11) и "Чернобыль — крупный вид полыни (*Artemisia vulgaris*)" (Вл. Даль. "Толковый словарь").

Перед нами история трех сестер в советской России. Анна, Анастасия и Алена. Одна, диссидентка, уезжает за границу. Другая, партийка, остается дома. Третья, видимо равнодушная к политике, живет с мужем и маленькими детьми в Чернобыле.

Когда разражается катастрофа, первой о ней узнает Анна в Швеции, и только от нее Анастасия в Ленинграде. Для этой последней начинается хождение по мукам, чтобы узнать об участии сестры: советские власти лгут или отмалчиваются, газеты и радио сообщают протворечивые и фальсифицированные известия. Она едет в Киев, проникает, наконец, в запретную и эвакуированную зону... и читатель следит за ее усилиями и поисками с тем же напряженным интересом, какой вызывает удачный детективный рассказ. Построена книга тоже оригинально: изложение чередуется с подлинными документами, освещающими трагические события. Так, помнится, писали иногда в 20-е гг.; но теперь эта техника давно утрачена.

Абсолютное бездушие и грубая жестокость советского режима показана со всею беспощадностью. Бессмысленные надежды на какие-либо горбачевские улучшения разоблачены с неумолимой убедительностью. Симпатии автора всецело принадлежат Демократическому Движению; его участники, описанные, впрочем, вскользь, даны как подвижники и герои. Что же, вполне верим, что бывали среди них и такие; хотя, конечно, не все и не всегда. В той же мере, что они ставили себе целью борьбу с большевизмом, их дело, во всяком случае, заслуживает уважения.

Наоборот, мы наблюдаем крах убеждений искренней коммунистки Анастасии, которая кончает тем, что бросает свой партбилет на стол одного из бессовестных бюрократов от КПСС.

Ложка дегтя в бочке меда: автор придерживается самых нелепых и невыносимых новшеств вышедшей советской пововоречи. Гейдельберг, — где преподает в университете эмигрировавшая в Германию Анна, называется тут *Хайльберг* (sic!).

Деревня Митино (где хоронят жертв радиации) не изменяется по падежам, на манер Рио де Жанейро или Монтевидео: *кладбище в Митино* и т. д.

Конечно, это не может испортить превосходное и с литературной, и с политической точки зрения произведение Вознесенской; но все же, когда наталкиваешься на подобные формы, чувствуешь, что тебя пердегивает с головы до ног.

Владимир Рудинский

А. ФЕДОСЕЕВ

О БУДУЩЕЙ РОССИИ

13. ВЕРА, ЗНАНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ.

А. ВЕРА И ЗНАНИЕ

Вся духовная и материальная культура любой страны в любое историческое время создается трудящимися (инженерами, учеными, рабочими, крестьянами, ремесленниками, артистами и т. д., и т. п.). Свойства трудящихся естественно полностью на уровне и развитии этой культуры. Таким образом то, как мы все живем, определяется тем, во что мы верим. Если наше знание вытекает в большей степени марксистско-социалистическое, чем профессиональное, а верим мы в пролетариат и классовую борьбу, трудно ожидать улучшения жизни, и, особенно, высоко духовной. Экономика будет трещать и разрушаться под напором классовой борьбы и забастовок, а с нею будет разрушаться и наше общество и наше благополучие и возможность для (весьма дорогой) высоко духовной деятельности.

С другой стороны, если мы хорошо усвоим, что без труда не вытащишь и рыбку из пруда, имеем отличные профессиональные знания, воспитаны честными и порядочными людьми, если мы верим в нечто большее, чем наша собственная личность и, в частности, в мудрость библейских заповедей, можно рассчитывать на большие успехи в развитии нашей духовной и материальной культуры.

Таким образом, качество жизни общества несомненно непосредственно зависит от качества двух элементов, лежащих в основе всей нашей деятельности: совокупности наших знаний, включая профессиональные, и нашего кодекса веры. Одно дополняет другое. Одно не существует без другого.

Проанализировав свою деятельность, вы можете убедиться, что она определяется знанием едва ли больше, чем в 20 % случаев, а остальное определяется приобретенной в результате жизненного опыта совокупностью взглядов, в правильность которых вы верите, то есть вашим кодексом веры, включая и религиозную, если она есть.

Но дело не только в количественном соотношении веры и знания. Вера также предшествует знанию и является основой, на которой вырастает и знание. Без веры не появилось бы и знание. Ученый, исследуя законы природы, и инженер, создавая невиданные машины на основании этих законов, всегда имеют перед собой или гипотезу предполагаемого закона (который ученый хочет открыть и сформулировать) или проект машины (которую инженер хочет осуществить). Гипотеза и проект являются продуктом воображения, вытекающим из совокупности опыта и взглядов ученого или инженера, то есть из того, во что они верят, их кодексом веры. Больше того, само научное знание есть некоторая форма веры, все время подвергающейся сомнению, все время изменяющейся и расширяющейся в своем содержании. Ученый все время сомневается в правильности даже уже сформулированного им закона, а инженер сомневается в совершенстве построенной им машины. Они всегда верят и всегда сомневаются. Религиозная вера тем и отличается от научной, что она не должна подвергаться сомнению. Религиозная ве-

ра, подвергнутая сомнению, перестает быть верой.

Птоломеем верил в свою, тогда единственную, научную модель вселенной с землей в ее центре и солнцем, вращающимся вокруг земли. На смену этой модели пришла другая, тоже научная, модель Коперника с солнцем в центре и землей, вращающейся вокруг него. Коперник верил в эту модель. Демокрит верил в неделимые элементы материи — атомы. Резерфорд верил, что этот "неделимый" атом состоит из ядра с вращающимися вокруг него электронами. Некоторое время нас всех учили, что атом состоит только из протонов и электронов. Мы и ученые верили в это. Затем посыпались, как из рога изобилия, другие частицы "неделимого" атома: нейтроны, позитроны, нейтрино, мезоны, кварки и т. п. "Неделимый" атом оказался неисчерпаемо сложным. Теперь уже никто, кроме узких специалистов, не в состоянии представить себе современную модель строения атома. По существу, наше знание атома рассыпалось и превратилось в незнание. И не только у нас, не специалистов, а и ученые теперь уже не знают, какова же структура атома, составленная из такого множества частиц. Как они все там расположены, как двигаются, как взаимодействуют между собой и частицами других атомов? Это же не кирпичи для дома, хотя кирпичи состоят именно из таких атомов. Обратите внимание на это развитие науки. Птоломеевская модель мироздания и другие, ей предшествовавшие, пытались описать весь известный мир целиком в очень простой и всеобъемлющей форме. В этом смысле они как-то конкурировали со всеобъемлющей и простой библейской моделью мироздания. Весь процесс познания в том ведь и состоит, что мы представляем окружающий нас мир в виде простых моделей и простых законов, доступных для обозрения и применения человеческим (специалистов) мозгам. Вся наука состоит из этих чрезвычайно упрощенных (по отношению к грандиозной сложности мироздания) моделей и законов. Без этих упрощений мы бы ничего не знали и не имели бы всей нынешней техники, пронитавшей всю нашу нынешнюю жизнь.

Что же происходит с наукой? По мере хода смены научных моделей и их усложнения становится все более и более ясным, что мироздание неисчерпаемо, как в сторону атома, так и в сторону галактик. Наука оказывается все дальше и дальше от создания цельной и всеобъемлющей модели мироздания и вынуждена ограничиваться моделями лишь частностей, деталей.

Мы чувствуем, как наше знание отступает перед грандиозностью мироздания, будучи не в силах его понять и описать в целом виде. Вопросов становится все больше и больше, чем ответов. Что такое "пустое" пространство, как одна частица действует на другую через пустое пространство, что собой представляют электрическое, магнитное, гравитационное поле в пустом пространстве между частицами материи, куда именно (но что) разлетаются осколки "Биг банга", вселенского взрыва, включающие нашу землю, что же было до этого начального взрыва и т. д., и т. п. Можно не сомневаться, что раскрытие этих тайн перевернет всю современную науку вверх дном, превратив современные научные убеждения в плохо обоснованную научную веру. Мы чувствуем все больше и больше сомнительность и неполноту нашего знания и наша вера в то, что мы знаем подвергается все более серьезным испытаниям. Недаром еще английский епископ Беркли утверждал, что весь наш внешний мир существует только в нашем сознании (воображении), то есть если мы в него верим. Это особенно относится к науке. Что касается техники (и инженерного знания) мы не склонны поверить Беркли. Космические корабли, самолеты, автомобили, машины, и бесчисленное множество техники, создающей для нас удобства, повышающей продуктивность нашего труда, облегчающей нашу жизнь, расширяющей горизонты нашей жизни — вполне реальные вещи, которые можно потрогать и которыми мы можем повседневно пользоваться. Впрочем, стоит человеку "сойти с ума" и весь его не только внутренний, но и внешний мир превращаются в нечто фантастическое, как мы говорим, нереальное. Но не значит ли это, что вся наша система знаний могла бы быть совершенно фантастически другой, если бы наш мозг был бы устроен и действовал по-другому, скажем, как у сумасшедшего? Конечно, мы, не будучи сумасшедшими, твердо верим в наше знание. Хотим в него верить.

Какими бы ни были наука и знание, они не могут нам дать того, без чего ни один человек не может нормально жить — духовной основы. Люди без духовной основы — источник преступности, антисоциальности, разврата, извращений, декадентства, антикультуры, антицивилизации. Наука и знание не включают в себя ценностей человеческого духа. Наука этим не занимается. Опыт показал, что и культ разума и марксистско-социалистические идеи и учения тоже не в состоянии дать нам духовной основы

нашей жизни. Библейская же и христианская модель мироздания включает в себя и модель духовной основы человечества. И я бы сказал, что на данное время (и похоже, что на необозримое будущее) это — единственная существующая и достаточно научная модель (если хотите, гипотеза), поскольку наука не только ничего не предложила взамен, но все больше и больше тонет в неисчерпаемости вселенной и, обогащая чрезвычайно технику, теряет, однако, способность к созданию всеобъемлющей, целостной картины мироздания.

Все это обсуждение я принял, чтобы показать единство, неразделимость веры и знания. Показать исключительное значение веры и, вообще, духовной стороны нашего сознания, но ни в коем случае в смысле конкуренции знанию или умаления значения знания. Знание и вера есть две стороны одного и того же — нашего сознания, но вера появилась прежде знания, она его питает. Они не конкуренты, как утверждают многие. Библия дает нам исключительно простую, цельную, всеобъемлющую картину мироздания. "Атом". Одно слово. А смысл его неисчерпаем и мы никогда полностью его не узнаем. "День творения". Два слова, а за ними и еще более неисчерпаемый смысл, так как он включает в себя и смысл атомов, и человека, и земли, и галактик. Наука открывает за этими двумя словами миллионы и миллионы подробностей, миллионы и миллиарды человеческих лет и невольно показывает все больше и больше грандиозную неисчерпаемость смысла этих двух простых слов: "день творения". Теперь становится яснее и яснее, что наука просто не в состоянии даже пытаться раскрыть смысл библейской картины мироздания в целом виде. Она может заниматься лишь незначительными ее частями, раскрывая перед нами те или другие глубины мироздания. Это значит, что у человека и всегда веры будет больше, чем знания. В этом смысле наука ушла и уйдет очень и очень недалеко. Но, посмотрите, как много наука сделала для конкретной жизни человека. В этом деле ее могущество и ее достижения огромны потому, что они сопоставляются с человеческим, а не божественным масштабом. Какие-то ученые, атеисты могут отрицать библейскую картину мироздания. На ее месте у них будет просто пустота. Наука же отрицать ее не может: для этого нет у науки никаких доказательств — ни "за", ни "против".

Все это значит, что воспитание духа и образование в смысле получения знаний должно рассматриваться и осуществляться вместе. Это также значит, что библейская картина мироздания и библейская христианская вера могут служить для этого очень важным стержнем для формирования сознания наших детей. Как это ни странно, но для многих нынешних атеистов-родителей воспитание духа их детей на основе христианской веры может стать не только приемлемым, но и необходимым, если они хотят воспитать своих детей людьми с целостным и человечески-положительным мировоззрением.

А. ФЕДОСЕЕВ

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Национальная, внепартийная, общественная ежедневная газета, издаваемая в городе Сан Франциско, США с августа 1921 года.

Редактор — А. А. Сологуб

Подписка на 1 год — 60.— долларов, на полгода — 35.— долларов, на 3 месяца — 20.— долларов.

Подписку направлять по адресу: 2460 Sutter Street, San Francisco, CA 94115 USA.

Языковые Уродства

ВОЙНА С МЯГКИМ ЗНАКОМ

Роман В. Волкова "Le montage" (о нем своевременно был отчет в "Нашей Стране") переведен сейчас на русский и издан в Лондоне. На обложке красуется: "Операция "Твёрдый Знак"". Нелепость подобной надписи бьет в глаза. Манера ставить повсюду *ë* вместо *e* — последнее достижение советской орфографии. Сочетать его с твердым знаком в конце слова, отмененным полвека тому назад есть кричащий диссонанс.

Откроем ли мы книгу, мы наблюдаем, что название французского журнала дано в ней как "Эмпарсьял". Мы уже не раз привлекали внимание читателей к безобразной манере советских образованных тыкать во все ипострашные языки твердое *л* вместо мягкого. Мы все должны всерьез подумать о сопротивлении данному дикому новшеству; не то нас вопреки многовековой традиции в России и вопреки реальному произношению заставят писать *Волтер* и *Балзак*. Неприятно, заметим, и невежественное написание названия парижского аэропорта *Руасси* через одно *с*. Что уже и говорить о все время повторяющейся комбинации *в адрес* вместо *по адресу!*

Впрочем, переводчик книги, новейший эмигрант и сотрудник "Русской Мысли" В. Рыбаков, проявляет свои небрежность и неосведомленность на каждом шагу. Например, итальянское женское имя *Джемма* у него превращается в *Гемма*. На него,

очевидно, повлияло слово *жемма* в смысле "драгоценный камень"; но эти вещи надо уметь различать.

Не знаем, почему В. Волков не поручил перевод своего увлекательного, хотя и политически бесхребетного произведения более квалифицированному литератору, которых ведь за границей хоть пруд пруди... Но тут, верно уж, были особые соображения.

Возьмем другой случай, где проявляются те же пагубные тенденции. В мюнхенском журнале "Страна и Мир" (№ 3 от с. г.) напечатан отрывок из книги А. Кестлера, содержащий его воспоминания об эпизоде с поджогом рейхстага. И вот на сцену появляется "молодой аристократ граф Хеллдорф". Спрашивается, почему же *лл*, а не *ль*? Ведь мы говорим и пишем испокон *Вильгельм Тель, Альберт, Арнольд, Тельман*. И правильно делаем; в литературном немецком языке твердого *л* не существует. Кроме того, почему, собственно, *Хеллдорф*, а не *Гелльдорф*? Мы же говорим *Гитлер, Гейдельберг, Галле*. И, мимоходом сказать, почему опущена частица *фон*, которая у Гелльдорфа наверное имела?

Любопытно, что в этом же самом отрывке, рядом, фигурируют немецкие фамилии *Гейц и Шульц*. Тут уж получается не просто безграмотность, но еще и крайняя непоследовательность. Следуя той отвратительной и ни на чем не основанной системе, которой придерживается переводивший Кестлера с английского на русский г-н Л. Штерн, подобало бы писать *Хайц и Шули*. Или же он усматривает между данными случаями какую-то тонкую разницу? Должны признаться, — для нас она неуловима.

Аркадий Рахманов

Н. СИДОРЕНКО

В КИТАЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Как известно, социалистическая система всюду, где она была полностью внедрена, проводила беспощадное закрепощение крестьянства. Сам марксизм не имел никакой стопроцентно собственной аграрной программы, но в этом вопросе он подчинился враждебному антикрестьянскому инстинкту своих создателей и первоначальных заправил. Свободное и экономически независимое крепкое крестьянство стояло на пути беспощадным социалистическим утопиям. Кроме того, крестьянство, особенно в России, являлось своего рода физическим носителем всей духовной культуры страны. (Да и само слово "культура" связано с земледелием). Русский крестьянин был вдвойне почвенником, так как он с большим реализмом твердо стоял не только на своей родной земле-почве, но и весь свой быт и все свое мировоззрение выводил из своих родных почвенных верований.

У интеллигенции оказалось возможным выбить из-под ног ее традиционную духовную почву, путем ее отчуждения от исторической реальности, которая была подменена беспощадными утопиями. Выбить же почву из-под ног крестьянства оказалось невозможным, и поэтому было принято решение ликвидации лучшей и одновременно большей части крестьянства.

История этой ликвидации, этого настоящего антикрестьянского геноцида, сегодня хорошо известна. Однако, система сама подрубила тот сук, на котором ей в конечном итоге приходится сидеть. Действительность оказалась сильнее волюнтаристских утопий. Марксизм, провозглашающий как свою основную аксиому зависимость исторических процессов от экономического развития, систематически нарушал законы этого развития. Однако, в экономике можно все делать, за одним исключением: нельзя избежать результатов этого делания.

Сегодня все это тоже уже всем известно, но все же до сих пор никто никак не решается что-то изменить радикальным образом в этом вопросе. Поэтому иногда бросаются с оглядкой взоры на соседей, которые оказались в таком же положении, по тем же причинам. Например, в "Правде" от 21-3-87, в статье "Будни китайской деревни", за подписью Б. Барахта, сначала делается краткий диагноз общей болезни, а затем и перечисляются некоторые меры лечения, лечения еще весьма неполного, так как в рамках системы, но все же лечения в правильном направлении.

Вот некоторые выдержки из этой статьи:

"Деревенское население Китая превышает 800 миллионов человек. Долгое время сельское хозяйство находилось в состоянии глубокого застоя, миллионы людей недоедали и голодали, страна была вынуждена ежегодно импортировать значительное количество зерна.

В начале 80-х годов руководство КНР взяло курс на пересмотр и

отказ от многих волюнтаристских установок времен "большого скачка" (1958 г.) и "культурной революции" (1966-1976 гг.). Капули в Лету планы тотальной "коммунизации" деревни, громоздкие коммуны, принципы жестокой уравниловки, администрирование и практически полное пренебрежение объективными экономическими законами...

Был предпринят целый комплекс мер, учитывающих бедственное положение китайской деревни. Но главное в реформе — создание в ней системы "подрядной ответственности для крестьянского двора". Пахотные земли были поделены между жителями по едокам и сланы им в аренду сроком до 16 лет, а в содоводстве, лесоводстве и других отраслях сельского хозяйства с длительным производственным циклом до 20-30 лет. Мелкие, средние, а в ряде случаев и крупные коллективные средства производства тоже были сланы в аренду по контракту или проданы крестьянам.

Изменилась роль планирующих органов в центре и на уровне провинций. Отныне они освобождены от разработки детальной квоты на производство той или иной сельскохозяйственной продукции. Плановики составляют лишь перспективные планы на пять лет и более продолжительное время. Их задача — анализ рыночных тенденций и определение потребностей населения в продовольствии.

Хотя партийным и государственным органам запрещено вмешиваться в хозяйственную деятельность сельских жителей, тем не менее, как свидетельствует печать КНР, это указание далеко не везде выполняется...

Результаты реформы сельскохозяйственного производства в КНР значительны. За многие века впервые в Китае нет голодных, страна практически обеспечивает себя зерном. В минувшем году было собрано 390 миллионов тонн зерновых, около 3,5 миллиона тонн хлопка-волокна. По сравнению с предшествующим годом более чем на 10 % увеличилось производство мяса, молока и шерсти. Ныне в стране в среднем на человека ежегодно производится около 350 килограммов зерна (обработанного) и почти 8 килограммов пищевого масла, свыше 12 килограммов мяса и 5 килограммов продуктов водных промыслов...

В китайской деревне наметился процесс имущественного расслоения крестьянства. Считается, что основная масса должна учиться и подтягиваться к уровню крепких хозяйств. Богатые крестьяне пользуются услугами наемного труда, и пекинская печать рассматривает это как одно из позитивных явлений реформы, способствующих решению проблемы трудоустройства и развитию товарного производства. Нанимать работников разрешено и членам коммунистической партии Китая...

Н. СИДОРЕНКО

КОРНЕТ ИРА

В Мюнхене 20 июля 1987 года скончался корнет Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка Лонгин Федорович Ира. Покойный доблестно участвовал в Великой войне и сражался в рядах Белой армии на юге России. Однако, не его былые воинские подвиги были то, что составляло главную привлекательность его личности. В нем было нечто особенное: редкая свежесть и целостность его духовной природы. Прямой, чистосердечный и незлобивый, патриот своего отечества, он был воистину русским человеком, для которого Россия была святыней. Если бы он жил в Московской Руси, он был бы одним из тех служилых ратных людей, которыми страна строилась и оборонялась.

Воин русской Императорской армии, он всю жизнь остался верен присяге и девизу: "За Веру, Царя и Отечество", с которым и ушел в

лучший мир. Революционная смута не смогла пошатнуть Лонгина Федоровича в его служении царственной династии. Всю жизнь он отдал борьбе против мутного потока лжи, распространяемой врагами императорской России в Советском Союзе и на Западе. Он был живой частицей Российской Империи, частицей того светлого начала, которое без сомнения сохранилось подспудно и на нашей родине.

"Воин земли свято-русской" — назовем его мы, его друзья и будем верить, как верил и он, что тяжкий молот бескрайних страданий выкует в душе народа грозный и всеопределяющий булат, и что Россия вновь воскреснет в полном блеске величия ее державной культуры и ее духовного превосходства. Верный сын православной Церкви, усердный прихожанин мюнхенского кафедрального собора, он жил и умер как истинный сын своего отечества.

Леонид Барат-Баранов

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Киреев, Monroe 3578 - 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. Цены за экземпляр газеты:

Австралия - 0,80 ам. долл.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. долл.; Аргентина - 0,80 австр. В остальных странах - 0,80 ам. долл. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выставляются на Miguel Kireeff. Просьба не делать банковских и почтовых денежных переводов. "НАША СТРАНА" -

"NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Fundado 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578 - 11, 1430 Bs. As.

Correo Argentino Sucursal 30 (B)	Franqueo pagado. Conces. No. 4233 Interes General. Conces. No. 3980
-------------------------------------	--